

Е. М. Штаерман

ОТРАЖЕНИЕ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ II—III вв. В КУЛЬТЕ ГЕРАКЛА

Отражение классовой борьбы, социальных и политических процессов в идеологии вообще представляет большой интерес для историка-марксиста. Одним из интереснейших, хотя и труднейших периодов в этом отношении являются II и III века н. э., когда наступающий общий кризис сопровождался рождением множества новых религиозных и философских систем, учений, сект, когда складывалось и окончательно оформлялось христианство. Новое сталкивалось со старым, боролось с ним и заимствовало у него. Правительство принимало активное участие в этой борьбе, пытаясь создать идеологию, наиболее отвечающую его целям. В настоящей работе мы попытаемся рассмотреть эволюцию представлений, связанных с одним из популярнейших героев античной, в частности римской эпохи — Гераклом, преимущественно в западной части империи. На этом примере наглядно можно проследить, как представления, близкие народным массам, использовались господствующими классами, которые вкладывали в них свое содержание и демагогически использовали их, применяя к потребностям текущего момента.

Обширная литература посвящена генезису культа Геракла в Риме. Много известий о нем разбросано и у античных авторов. В настоящее время наиболее распространенным является мнение об эллинистическом происхождении его культа, который, в свою очередь, воспринял черты финикийского Мелькарта-Геракла, почитавшегося в Испании. Позднее, когда через города Великой Греции Геракл проник в Рим, на него повлияло сближение с целым рядом местных божеств, главным образом земледельческих — Марсом, Фавном и особенно Сильваном. Через последнего он вступает в тесное соприкосновение с ларами.

С самого начала характер его культа двойственен. Как тирский Мелькарт, как герой некоторых греческих городов, он аристократичен, и рабы не допускаются к его культу. Таков же он и на ага шахица, куда первоначально не допускались ни рабы, ни вольноотпущенники (S e g v., Аен., VIII, 179). Это сближает его с гением главы семьи, которого первоначально могли почитать лишь свободные члены фамилии. Как божество, близкое Сильвану и ларам, Вопа Деа, он народное божество: 21 декабря справлялся праздник, посвященный ему и Церере как богам плебса, заботящимся о хлебе для него. Возможно, что в связи с аристократическим характером культа Геракла стоят легенды о его победе над Бузирисом и Литиерсесом, народными божествами — духами хлеба, и его сближение с богами-законодателями, принесшими людям культуру и частную

собственность, например Церерой и Либером (S e r v., Aen., IV, 58). Народ же издавна видел в нем защитника угнетенных и борца за справедливость.

Демократизация его официального культа шла постепенно и, возможно, не без борьбы, отголосок которой остался в сложившейся в аристократической среде известной легенде о том, как Аппий Клавдий подкупил ведавший культом Геракла род Потитиев, с тем, чтобы они передали его отправление городским рабам, за что Аппий Клавдий был наказан слепотой, а Потитии — быстрым и поголовным вымиранием всего рода.

Однако по мере того как культ Геракла все более распространялся в низах, аристократия пыталась использовать его в качестве орудия воздействия на народ. Это облегчалось теми представлениями, которые к началу империи более или менее тесно сплелись вокруг образа Геракла.

Во-первых, как бы ни оспаривалась теория о тождестве гениев-хранителей с Гераклом, несомненно, что в Риме и Италии он был тесно связан с домашними, родовыми божествами. Сравнительно недавно опубликованные материалы раскопок итальянской колонии на Делосе¹, относящиеся к самому концу республики и началу империи, так же как и помпеянские раскопки, показывают, какую роль играл Геракл в домашнем культе. Нередко его изображения помещались вместе с изображениями гениев и ларов; вместе с ларами, гениями и Вестой он изображался в придверной нише, как хранитель дома. Постепенно он все более сближается с этими домашними божествами: в помпеянской живописи лары уже начинают изображаться с его атрибутами.

Это сближение отразилось и в эпиграфическом материале. Нередко в Риме и Италии Геракл наделяется эпитетами, происходящими от родовых имен: *Cocceianus* (CIL, VI, 3687), *Fundanius* (CIL, VI, 311), *Iulianus* (CIL, VI, 334), *Romullianus* (CIL, VI, 645), *Aemilianus* (CIL, VI, 607), *Aelianus* (CIL, IX, 1095), *Frontonianus* (CIL, XI, 4669), *Esyhianus* (AEP., 1924, № 15). В этом отношении он сближается с Фортуной, которая тоже часто встречается в домашних святилищах и с аналогичными фамильными эпитетами: *Crassiana* (CIL, VI, 186), *Flavia* (CIL, VI, 187), *Iuveniana* (CIL, VI, 189), *Torquatiانا* (CIL, VI, 204), *Tulliana* (CIL, VI, 8704), *Claudia Iustae* (CIL, VI, 3679), *domus Furianae* (CIL, VI, 8169), и с Сильваном, который встречается как *Naevianus* (CIL, VI, 645) и как *Flaviogum*, в надписи, поставленной ему несколькими отпущенниками семьи Флавиев (CIL, VI, 644). Все эти три божества нередко наделены эпитетом *domesticus* или *domestica*. Часто они соединяются в одном посвящении, особенно Геракл и Сильван, иногда упоминается, что надпись Гераклу поставлена «по приказанию Сильвана», раз даже Геракл назван его внуком (CIL, VI, 30738).

Большинство этих надписей посвящены рабами или вольноотпущенниками, колонатами, вилками или мелкими торговцами, близко соприкасавшимися с этими категориями населения: торговцем сеном (CIL, VI, 305), торговцами грубой одеждой для рабов и простого народа (CIL, VI, 323, 327; S a g n a t., 243). Все это показывает, что в Риме и Италии представление о Геракле в значительной мере переплеталось с представлениями о гениях, ларах и близком к ним Сильване — хранителях фамилии, дома, поместья. На это указывает и оригинальный эпитет *Nerianus*, данный Гераклу в одной надписи из Венафра (CIL, X, 4851), по всей видимости, происходящий от имени богини *Neria* или *Nerio*, часто отождествлявшейся с матерью ларов, а также то, что он именуется *bullatus* (VI, 303) и *barba-*

¹ Изд. M. B u l a r d, *La religion domestique dans la colonie italienne de Delos*, Paris, 1926, стр. 227 сл.

tus (XIII, 7694), т. е. он, очевидно, отождествлялся с многочисленными богами-покровителями отдельных возрастов человека, которые слились с гениями (Censorinus, De die nat., 13). Таким образом, он входил в число пенатов, включавших всех богов дома или города и бывших, по словам Сервия, защитниками прибежавших к их помощи рабов, которым грозил гнев господина (Servius, Aen., II, 512—514).

С этим же, возможно, связано представление о Геракле как о первом основателе права убежища (Servius, Aen., II, 761) и его эпитет *Celer* (CIL, VI, 30733), который имел какое-то отношение к беглым рабам; по крайней мере, Фест говорит, что беглые рабы, благодаря своей быстроте — *celeritate*, назывались оленями — *servi*.

В этом плане, возможно, может быть приведена одна надпись из Ампелума, которую посвящают либеру и либере *Negeani et servae* (CIL, III, 1303). Она указывает на некоторую не совсем ясную, но очевидную связь между поклонниками Геракла и беглыми рабами или, в настоящем случае, рабынями.

Защитницей рабов была и Веста, также близкая к Гераклу; популярны среди них были и связанные с Гераклом и Сильваном богини *Volva Dea* и *Ферония*, которым рабы и отпущенники посвящают надписи¹, причем Фест сообщает, что последняя была специальной покровительницей рабов, отпускаемых на свободу.

Эти данные позволяют предполагать, что в низах римского и итальянского населения Геракл был не столько богом прибыли, как его часто трактуют, сколько хранителем фамилии. На этой базе он сближается и с Меркурием, который нередко также встречается в делосских и помпейских домашних святилищах, причем иногда его изображают вместе с Гераклом в виде двуликого Януса, одно лицо которого подобно лицу Геракла, другое — Меркурия. Янус же, как известно, тоже представлял собой родовое божество.

Такая роль Геракла будет вполне понятна, если учесть, как велика была роль фамилии в Риме. Не только раб, но и вольноотпущенник и клиент зависели от главы семьи и почитали его божество. Цезорий в своем сочинении «О дне рождения», написанном уже в III в. и посвященном его благодетелю и патрону, пишет, что почитает и своего, и его гения, так как собственный гений даровал ему только жизнь, а гений патрона — то, что делает жизнь прекрасной (De die nat., 16). Многочисленные посвящения от рабов и вольноотпущенников гению главы семьи² и от клиентов гению патрона³. Очень показательна одна надпись с севера Италии, из которой выясняется, что рабы какого-то лица из рода Домициев составляли коллегию культа *heroi Corbuloni* (AEP, 1912, № 221). Очевидно, Корбулон был обожествлен лицами, зависевшими от его рода.

Август всячески старался поднять значение фамилии, как основной ячейки рабовладельческого общества. Коллегии почитателей гения Августа, ларов и Сильвана очень распространены в крупных императорских и частных хозяйствах. Эти организации поощрялись господами и управителями, предоставлявшими их членам средства к отправлению культа, места для собраний и погребения сочленов (CIL, X, 442; Fontes, III, 762). Такие же коллегии в имениях посвящались и Гераклу (CIL, X, 5647).

Мы знаем из сочинений Катона и Колумеллы, что владельцы препятствовали рабам принимать участие в культе других богов, кроме домашних,

¹ CIL, VI, 70, 74, 30702, 30852; XI, 3199; XIV, 2951.

² CIL, VI, 257—259, 3684; X, 860, 861; XI, 356; V, 816, 1868, 7471, 7505, 6502, 7143, 7237, 7238; AEP., 1904, №№ 40, 47; CIL, XII, 3050—3056, 619, 658, 4314, 4315, 5221, 5424; II, 1980; III, 6124, 11540.

³ CIL, V, 5889, 5892, 7464, 7468, 7470, 6951, 4449; XII, 3051, 6638; XIII, 4291.

и особенно — общаться с бродячими астрологами и жрецами восточных культов, которые могли посеять смуту в их умах. Недаром Плиний называет фамилию республикой в миниатюре: (Ер., VIII, 16); *pater familias* — господин, так же как и *pater patriae* — император не желали выпускать из-под своего контроля умы своих подданных. Характерно толкование, которое дает Фест слову *инквилин*, термин, как известно, в его время ставший почти равнозначным колону. Инквилин, пишет он, — это тот, кто почитает тот же очаг или почитатель того же места (*eiusdem loci cultor*); очевидно, колон и инквилин, попадая в зависимость от главы семьи, должен был почитать и его богов-покровителей.

Религия, лишенная контроля, по мнению высших классов, могла стать опасным оружием в руках «черни»; Дион Кассий вкладывает в уста Мецената советы не допускать проповеди в массах новых религиозных систем, которые, так же как и философские учения, легко могут повести к мятежам. Это положение Диона иллюстрируется весьма любопытной надписью из Тудера. Она представляет собой посвящение некоего Августала и Флавиала Юпитеру, «стражу и хранителю». В надписи говорится, что бог спас совет и народ колонии от величайшей опасности, уничтожив гнусное злодеяние раба города, который предал проклятию имени местных декурлионов (CIL, XI, 4639). Как известно, вера во вредоносное действие таблиц с проклятиями была всеобщей, и подобно тому, как недовольный сенатор мог использовать против императора сложные приемы гонимой астрологии и магии, так мог и раб, по представлениям того времени, повредить господину доступным ему примитивным колдовством. Для рабовладельцев было важно держать рабов в рамках установленных для них понятий и обрядов, которые были связаны с кругом фамильных культов. Почитание божества императора для низших классов было также включено Августом в круг культа фамильных божеств.

Отсюда, мне кажется, берет свое начало один из путей возникновения официального культа Геракла как покровителя императора. Мы знаем из жизнеописания Плотина, составленного Порфирием, что по тогдашним представлениям великий человек имел своим духом-хранителем и спутником не простого гения, а кого-либо из высших богов. Возможно, что в ряде случаев таким богом выступал наиболее близкий к гениям Геракл, особенно часто называемый *comes*, *conservator*, *virtus* императора. Нередко он соединяется с гением Рима, которому уделяется особое внимание на монетах Коммода, Максимиана и Диоклетиана — императоров, особо чтивших Геракла. С конца II в. и в III в. на геммах, амулетах, керамике Геракл часто изображается вместе с богиней Рима и гением римского народа, что соответствует объединенному культу божеств Рима и императора. Поэтому, может быть, так многочисленны посвящения Гераклу от рабов и отпущенников императорского дома, которые чтили его как особого гения своего господина.

Представление о Геракле как о гении-хранителе мы видим и в надписях ремесленных коллегий, которые почитают его (так же как и Фортуну) как Геракла именно данной коллегии или даже такой-то декурии коллегии (CIL, VI, 339). Вольноотпущенники, в значительной мере составлявшие торговые и промышленные классы Рима и Италии, приносили это представление о Геракле и гениях в свои коллегии: сохранилось значительное число надписей, в которых отпущенный на волю раб приносит по обету благодарность гению господина или Гераклу¹.

Популярности Геракла способствовало также то место, которое он занимал в стоической и, главным образом, кирической философии. Не-

¹ CIL, VI, 297, 303, 663; X, 1569, 5585; XII, 619; XIV, 3456.

совсем правильно было бы считать, что философские учения оставались всецело достоянием интеллигенции и высших классов. Идеи их проникали и в широкие массы. Известно, с каким презрением Лукиан говорит о рабах и ремесленниках, которые променяли свои орудия труда на киническую суму и дубину и предпочитают вместо того, чтобы трудиться, проповедывать толпе ходячие идеи, вычитанные ими у старых учителей кинизма. Тот же Лукиан сообщает о кинике Перегрине, что в Греции он натравливал народ на известного софиста, богача и любимца Адриана — Герода Аттика, а в Риме, к удовольствию «невежественной толпы», публично поносил императора. Вероятно, по примеру Антисфена, Диогена, Кратеса и др., эти киники нападали на тиранов и их прислужников, смеялись над ненужными, несоответственными природе науками и ремеслами, служащими для удовлетворения потребности богачей в роскоши, над мистериями, благодаря которым изнеженные лентяи надеются получить загробное блаженство; они проповедывали деятельную, суровую бедность, «мир, состоящий из братьев», с общими женами и детьми и, возможно, имуществом; повидимому, в числе их идей была и эмансипация женщин, поскольку Лукиан в обществе киников из «беглых рабов» выводит и женщину, убежавшую от мужа и, по примеру подруги Кратеса Гиппархии, странствующую в мужской одежде и прическе.

Геракл был идеалом и образцом киников, как неутомимый борец с тиранами и богачами, вечный странник, не прельщавшийся никакими соблазнами роскоши и наследий. Он убил Герiona, который был самым богатым и заносчивым человеком Запада, тирана Диомеда, царя Бузириса, который целыми днями обжирался и бил слабейших. Он пренебрег красотой амазонки, он очистил авгиевы конюшни, так как не гнушался простым трудом. Все это находило широкий отклик в народе. Киник Антиох был так популярен среди солдат, что когда он бежал в Парфию, то, по словам Диона Кассия, Каракалла начал войну с Парфией, чтобы добиться его выдачи.

Известны надгробные надписи, советовавшие наслаждаться жизнью, так как после смерти наступит полное уничтожение, в которых можно видеть плоды влияния эпикурейской философии. Не менее показательны, как мне кажется, надписи, отражающие проникновение кинических идей о величии бедности и простого труда. В метрической эпиграфии одного довольно крупного хлеботорговца из Пренесты говорится о его постоянных трудах и о том, что его богатство было как бы нейтрализовано его скромностью (CIL, XIV, 2852); один вольноотпущенник сообщает о себе, что, кроме прочих своих достоинств: благочестия, скромности, жизни без ссор и долгов, он отличался также бедностью имущества и величием духа (CIL, XI, 8012). Некий раб-управитель ставит себе в заслугу, что хотя он и мог бы нажиться, но оставляет своих детей бедными (CIL, VIII, 15719). Беден и стоек духом был и отпущенник-колон Аптиох (CIL, IX, 5659), и отпущенник-ювелир Эвод, в эпиграфии которого говорится, что он был добр, милосерд, деятелен и беден (CIL, VI, 9545). Примеры эти можно было бы умножить. Приведу еще только две надписи, к сожалению, обе более или менее фрагментарные, содержащие моральные наставления. Одна предписывает украшать душу благими трудами, а не дом утварью, быть скромным в счастье и твердым в беде (AЕр., 1933, № 150); другая говорит о том, что подобает хорошему земледельцу, отпущеннику или колону: он должен прилежно и тщательно обрабатывать поле, закалять и упражнять свое тело; если он хочет жить хорошо и свободно, он должен быть благочестив, уважать родителей и господ, быть верным и стойким. Это предписывают не ученые мужи, говорит надпись, а сама природа (CIL, XI, 600).

Как ни сильно здесь чувствуется влияние господской морали для рабов, все-таки заметны и значительные следы кинических идей. Они же отразились и в многочисленных надгробных памятниках крестьян и ремесленников, на которых изображены орудия и процессы труда в соединении с эмблемами загробного блаженства, как бы служащего наградой за труд. И здесь опять-таки прообразом обожествленного за труды человека-героя был Геракл: с конца II в. покойник все чаще изображается с его атрибутами, пирующим в обществе блаженных и богов или покоящимся после трудов. В том же направлении одновременно развивается и понимание гения как лучшей части человеческой души, побуждающей человека делать добро и после его смерти возносящейся к богам. Так как, по словам Макробия, все доброе в человеке и каждый добрый человек — это Геракл, то отождествление бессмертной души — гения — с этим героем вполне последовательно и понятно. Насколько глубоко проникло в народ это представление показывает надпись некоего раба-скотника Виталиса, называющего Геракла загробным — *Acheruntinus* (CIL, IX, 947). Так же, очевидно, трактовался *Hercules Somnialis* пизанской погребальной коллегией его имени (CIL, XI, 1449). В этом смысле Геракл был как бы западной параллелью Озириса, но соединение с ним после смерти в вечном блаженстве достигалось не известными мистериями и посвящениями, а, согласно учению киников, деятельной, справедливой, воздержанной жизнью. Так Геракл связывал фамильные культы зависимых людей с общими, более широкими, философскими и религиозными представлениями.

Конечно, эти этические идеи были свойственны не одному только культу Геракла и связанному с ним народному кинизму. Эти же идеи достаточно широко отразились и в раннем христианстве. Но все эти течения были тогда распространены в одной и той же среде, которую Цельс в отношении христиан, а Лукиан в отношении этого крыла киников характеризует как среду рабов и невежественных ремесленников. Стоики, кое в чем сближавшиеся с более умеренным кинизмом, но вербовавшие своих последователей в совершенно другой среде, хотя и проповедывали стойкость в беде, но ни в коем случае не относились отрицательно к богатству, или прямо признавая его за благо, или относя его к вещам, безразличным для мудреца. Геракл рабов, вольноотпущенников и ремесленников, которые чаще всего посвящают ему надписи, был противопоставлен аристократическому презрению к труду и бедности, увлечению бесплодными философскими системами и мистицизмом, всегда призывавшими лишь избранных, знающих, посвященных. В этом смысле он был революционер, как и некоторые идеи раннего христианства. Но он был слишком тесно связан со всем строем античного общества, чтобы сыграть более крупную роль.

Аналогичный, хотя и несколько своеобразный, характер имел культ Геракла в западных провинциях. Здесь он выступает, главным образом, не как покровитель рода или лица, а как покровитель того или иного города или местности. Мы видим посвящения *Herculi Andosso*¹, *Amphisensi*², *Naisati*³ (что имеет аналогию в посвящении *Mercurio Naissati*)⁴, *Saegonti*⁵, *Graio*⁶, *Tolendosso*⁷, *Magusano*⁸, *Deusonensi* (на монетах Постума). Особенно характерны два посвящения из Африки, где Геракл назван *genius civitatis et populi*⁹ и *genius patriae*. Как *di patrii*, т. е., по толкованию Феста, боги-покровители родного города, Геракл вместе

¹ CIL, XII, 4316; XIII, 226, 434.

² CIL, III, 19405.

³ CIL, III, 14572.

⁴ CIL, III, 8620.

⁵ CIL, VII, 6.

⁶ CIL, XIII, 434.

⁷ CIL, XII, 5708.

⁸ CIL, XIII, 8010, 8421, 8492, 8610, 8705, 8771, 8777, VII, 1090 и на монетах Постума.

⁹ CIL, VIII, 14808, 962.

с Либером появляются на монетах Септимия Севера (Cohen, *Sept. Sev.*, 500) и получают при нем в таком же качестве храм в Риме.

Как в Риме и Италии Геракл приближался к личному гению, так здесь он был родственным столь чтимым тут гениям и хранительницам (*Tutelae*) места, гениям сел и городов и опять-таки Сильвану и Фортуне, которые тоже приобрели в этих провинциях значение защитников отдельных мест. Такой же локальный характер носят и чрезвычайно распространенные на Дунае, в Галлии и Германии богини-матери — *matres*, носящие эпитеты местожительства отдельных племен, и боги перекрестков *Vives*, *Trives*, *Quadrives*, соответственные *lares compitales*. По словам Арнобия, народ в большинстве считал ларов не домашними богами, а богами дорог и перекрестков (*Adv. Gent.*, IV, 25), и как богини-матери почитались не только как покровительницы отдельных мелких местностей, но и как *Gallicae*, *Illyricae*, *Pannonicae*, так же и Геракла мы встречаем с эпитетом *Gallicus* (*CIL*, IX, 2322). Так как в провинциях основной была не фамилия, а территориальные единицы: город, паги, село, *territorium*, то понятно это предпочтение, оказываемое локальным божествам, с которыми сближается Геракл. Ведь и в вышеприведенном определении Фестом понятия «иквилин» он назван участником общего культа очага или места. Вероятно, первое более соответствовало италийским, второе — провинциальным представлениям и обычаям. Но повсюду с конца II в. с Гераклом связывается надежда на личное бессмертие как награду за добродетельную трудовую жизнь.

Часто утверждалось, что во время империи Геракл стал, в основном, богом войска. Действительно, довольно значительное количество более поздних надписей в провинциях посвящены ему военными. Но, во-первых, с конца II в. военные надписи вообще встречаются значительно чаще других, а во-вторых, при тесной связи между войском и населением в то время нельзя проводить резкую черту между теми и другими. Солдат приносил в армию те культы и представления, к которым привык дома, которые разделяли жившие тут же члены его семьи и сограждане и которые согласовались со всем вышесказанным.

Но, повидимому, первоначальный аристократический характер Геракла продолжал существовать кое-где в западных провинциях. Если в Италии и в Риме в большинстве надписей в его честь, где указано социальное положение посвящающих, это ремесленники, отпущенники, рабы, *magistri vici*, члены погребальных коллегий, то в провинциях это нередко городские магистраты, декурионы, фламины, высшие военные чины. Особенно ярко это наблюдается в Испании, где, очевидно, Геракл все еще был тесно связан с Мелькартом. Несколько жрецов Геракла, известные нам по надписям, принадлежат к высшим классам, один из них — сенатор. Тертуллиан пишет, что магистраты затрачивают колоссальные суммы на празднества в честь Геракла, приверженцы его существовали среди богатых людей еще и во времена Августина (*Epist.*, 50).

С Гераклом в высших классах связываются представления, на которые в значительной мере повлиял стоицизм и умеренный кинизм, как он отражен в более поздних речах Диона Хрисостома. Известно, что в рассказе Лукиана о галльском Геракле, Огмии, который упоминается и в одной галльской надписи (*CIL*, XII, 5710), он назван богом творящей речи, словом, т. е. логосом. В одной надписи из Испании придан эпитет *genialis* (*CIL*, II, 3009), между тем Фест говорит, что *Geniales* — это боги элементов, которые являются «семенами вещей», называемые по-гречески *στοιχεῖα* или *στέριματ*; таким образом, мы видим здесь сближение Геракла с логосами стоического учения. Как логос, он выступает посредником меж-

ду богами и людьми¹. Он превращается в идеального философа, побеждавшего чудовищ не физической силой, а силой духа и знания (S e r v., Aen., I, 741), во внука Атланта, который его и Меркурия первых посвятил в тайны астрологии. Сами побежденные им чудовища толкуются как пороки (S e r v., Aen., VI, 395), например, Кербер становится аллегорией земли, а победа над ним — победой разума над земными страстями.

На основании рассказа Лукиана о галльском Геракле можно предположить, что соответственные представления сложились или наиболее привились на Западе, возможно, в качестве реакции на восточные культы. По Макробию, Геракл — это та сила верховного божества и разума мира — Солнца, которая сообщает людям любовь к добродетели и тем роднит их с богами. Как таковой, Геракл участвовал на стороне богов в их борьбе с гигантами, которых М а к р о б и й толкует как злых и нечестивых людей, приверженных только земле (Saturn., — I, XX, 1—13); в такой же трактовке выступает Геракл на многочисленных галльских памятниках, где он сопутствует местному солнечному и небесному богу, отождествленному с Юпитером, повергающему змеевидное земное чудовище². Интересно и толкование мифа о побежденном Гераклом Каке, которое передает С е р в и й. Как вовсе не был сыном Вулкана, изрыгающим огонь, а был он «негоднейшим рабом» Эвандра, опустошавшим огнем поля (Aen., VIII, 190). Так, по мере роста классовой борьбы в западных провинциях, Геракл делается в представлении рабовладельцев борцом не только с тиранами, но и с негодными рабами и с злыми «земными» людьми. Чрезвычайно ярко выступает этот образ в панегириках М а м е р т и н а в честь императора Максимиана. Оратор приветствует в нем новое воплощение Геракла, победившего теперь чудовище более страшное, чем трехглавый Герцион. Как некогда Геракл помог Юпитеру одержать победу над рожденными землей чудовищами (гигантами), так ныне его потомок Максимиан победил силой и разумом то страшное двуобразное чудовище, которое губило Галлию, когда нежестественные земледельцы стремились принять облик воинов, когда пахарь стал пехотинцем, пастух — всадником, когда крестьянин уподобился варвару-опустошителю (Paneg. latin., II, 4). Победив, император, как Геракл, умиротворил землю (там же, 11), так как он помог лучшим и справедливейшим (там же, III, 3).

Любопытно, что в таком же качестве выступает Геракл и в одной более ранней надписи из северной Италии, из города Аусуга. Надпись сохранилась не полностью и не вполне понятна, но общее ее содержание можно уловить. Ее посвящает Гераклу некая К л а в д и я С у к ц е с с а. Граждане города, патронессой которого она была, вознамерились изгнать ее, повидимому, недовольные сборами, которыми их обложили, чтобы воздать ей какие-то почести. Как саранча робка и беззащитна в одиночку, пишет Клавдия Сукцесса, а, соединившись в большие стаи, опустошает поля и пожирает пищу людей и скота, так и народ верен и скромнен, пока разъединен, и становится опасным, объединившись. В борьбе с этим народом помог ей святой, непобедимый Геракл, которому она и приносит благодарность (CIL, V, 5049).

Все эти разнообразны черты, приписывавшиеся Гераклу различными слоями населения империи, нашли свое отражение в его официальном культе, кульминационные пункты которого связаны с именами императо-

¹ Как такового его пытались противопоставить Христу. Так, Юлиан Отступник в речи о Матери богов говорит о Геракле как о божественном человеке, душа которого, состоящая из особой духовной субстанции, была изначально предназначена, воплотившись, спасти и научить людей, а затем слиться с высшим мировым богом.

² G. D r i o u x, Cultes indigènes des lingons, Paris, 1934, стр. 94.

ров Коммода, Постума и Максимиана Геркула. Мне кажется, нельзя считать случайным расцвет официального культа Геракла при Коммодe.

В условиях наступающего кризиса официальная идеология Антонинов изжила себя. Известно общее напряженное положение в правление Коммода: сенатские заговоры, мятеж в Риме, длительное восстание британского войска, волнения в Галлии и Испании, где недовольные стекались к беглому солдату Матерну и грабили не только отдельных богатых людей, но и большие города; непрекращающееся движение буколов в Египте¹ ставило под угрозу снабжение Рима хлебом; Коммод старался упрочить положение Африки как житницы столицы (SHA, Com. , 17), но и там были какие-то беспорядки, которые даже связывают с африканскими декретами Коммода о колонах. При Северах возрастает число разбойников. О знаменитых их главарях рассказывает Дион Кассий, в надписях нередко упоминаются назначенные против них отряды и люди, убитые разбойниками. К середине III в. эти отдельные вспышки слились в повсеместные восстания. И правительство пытается найти какие-то новые идеалы, чтобы противопоставить их росту революционных настроений. Искусственно подогреваются надежды на скорое или уже наступающее пришествие золотого века, оживляются связанные с ними культы героев-спасителей, служащих достойными образцами для подражания. Это то Дионис, то Митра, то Ахилл, то Александр Македонский, то, наконец, Геракл. Последний как нельзя более подходил к этой роли. С ним легко могла быть связана проповедь активной морали, очень ярко отраженной у Сервия: помощь богов не приобретается ни обетами, ни женскими мольбами, они помогают бдительному и работающему, а если ты предашься лени, то напрасно будешь умолять богов, они останутся враждебными тебе (Georg., III, 457). Как это ни странно для традиционных представлений о Плотине, аналогичные мысли мы встречаем и у этого философа (III, 2, 8), который также в свое время отчасти пытался найти идеологическую основу для реставраторских попыток императора Галлиена.

Кроме того, с Гераклом связывались представления о счастье и богатстве, и он в это время все чаще начинает изображаться с их символами — с рогом изобилия и яблоками Гесперид. Именно Геракл вместе с Либером изображены на монетах Септимия Севера, посвященных секулярным играм (S o h e n, Sept. Sev., 71, 72, 495—498). Геракл сближается с Сатурном как основатель его культа в Италии и даже сам становится символом времени, а двухцветная листва посвященного ему тополя — символом дня и ночи (P r o b., Viscol., VII, 61), т. е. связывается с представлениями о золотом веке. Далее, как близкий к гению бог-покровитель дома и фамилии, он — хранитель старых римских устоев, и в этом смысле у Коммода он выступает именно как Hercules Romanus; культ его, как видно из Диона Кассия, сопровождается усилением культа и почитания Рима. То же мы видим и при Диоклетиане и Максимиане.

Монеты Коммода, посвященные Гераклу, относятся к 190—192 гг.; а с ними связаны и другие монеты, содержащие довольно определенный круг представлений. Это монеты с Felicitas perpetua Aug. — Felicitas, дающей Коммоду рог изобилия, с temporum felicitas — 2 рога изобилия, с vota solu(ta) pro sal(ute) p(opuli) R(omani), с Gen(io) Aug(usto) felici — гений с патерой и рогом изобилия, с Herc(ules) Com(modianus) — Коммод в виде гения с патерой, рогом изобилия и деревом Гесперид, с providentiae Aug(ustae) — Геракл, поставивший ногу на нос корабля, протягивающий руку Африке с колосьями и львом. Тот же мотив повторяется в изображении самого Коммода в военной одежде, перед которым стоит

¹ Дмитриев, Буколы, ВДИ, 1946, № 4, стр. 98 сл.

глядящая льва Африка с колосьями в руке, тогда как на втором плане победа прикрепляет щит к трофею. Тогда же появились и монеты с *Herc(uli) Romano* и *Herc(uli) Rom(ano) Cond(itori)*. Очевидно, в это же время Коммод стал называть свое время золотым веком и построил африканский флот для перевозки зерна, названный именем Геракла (*SHA, Comm., 14, 17*). Известно, что он почитал особо сельского Геракла, жрецом которого сделал своего безобразного звероподобного любимца (там же, 10), вероятно напоминавшего ему сына козы Сильвана или Пана. Ко времени Коммода относят и вышеупомянутую надпись, где Геракл назван внуком Сильвана, возможно, что эта, известная только из данного источника, версия сложилась в то же время.

Таким образом, мы видим, что Геракл Коммода подделан под народные представления. Разделавшись с разбойниками Матерна, успокоив некоторыми уступками африканских крестьян, пообещав римскому народу, что приведшая к мятежу голодовка не повторится, рассорившись с сенатом и нуждаясь в популярности, Коммод выдвигает на передний план героя — покровителя труда, особенно труда земледельческого, обеспечивающего изобилие, процветание, золотой век и всеобщее примирение. В этом смысле показательно, что на монетах Коммода Геракл ни разу не появляется со своими обычными эпитетами *Victor* и *Invictus*. Как известно, Коммод предпочитал войнам торговые сделки с ваварами, давая им золото, чтобы они не напали на империю. Аристократия, нуждавшаяся в войнах для пополнения все убывающей рабочей силы, была недовольна, но, судя по роману Филострата об Аполлонии Тианском, такая политика встречала полное сочувствие средних и, вероятно, низших классов¹.

С приходом к власти Северов внимание к Гераклу падает. Новые веяния, ориентация на восточную часть империи ставят в центре внимания солярные культы.

Возродил культ Геракла галльский император Постум. Обычно этот факт связывают с популярностью Геракла в войске, считая, что Постум, как ставленник последнего, хотел польстить его вкусам. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что с регулярными войсками, сочувствовавшими скорее центральной власти, Постум, как и его преемники Виктор и Тетрик, был в плохих отношениях и в своих военных предприятиях пользовался главным образом наемной варварской конницей, к власти же пришел при поддержке местной аристократии, недовольной ограничениями и конфискациями со стороны римских императоров. И Геракла он избрал именно, как героя западной части империи, в той интерпретации, о которой я выше говорила.

Между прочим, интересно отметить, что единственная монета Септимия Севера, в которой Геракл назван по имени — *Herculi defens(ori)* (*Cohen, Sept. Sev., 124—127*), относится к 197 г., т. е. к году войны с Клодием Альбином и победы над ним. Вряд ли можно считать случайным, что, отправляясь на борьбу за возвращение западных провинций, Септимий Север призывает именно Геракла.

Но если при этом императоре западные провинции делают лишь слабую попытку защищать свои интересы, выдвинув претендентом на престол Клодия Альбина, то при Постуме они готовы отделиться от Рима. К этому времени развились противоречия и резко обрисовалось положение, только намечавшееся в конце II в.: поддержка рейнским войском римского импе-

¹ Аполлоний Тианский неоднократно возвращается к этому вопросу в разговорах с царями Персии и Индии и советует им употреблять свои богатства на подкуп варваров, чтобы избегать войн. Филострат в этом, как и во многом другом, расходится со своим современником, идеологом высшей знати, Дионом Кассием.

ратора, оппозиционность к нему крупных землевладельцев центральных областей галльских провинций и Испании, движения зависимого населения, заставлявшие знать в конце концов идти на компромисс с центральной властью. Сложилась более отчетливо идеология этой знати, героем которой, как я уже говорила, стал Геракл. У Постума он выступает, во-первых, как победитель чудовищ и тиранов: немейского льва, гидры, эрумантинского вепря, стимфалийских птиц, амазонки, Диомеда, Герциона. Знаменательно, что последний изображен в виде трех римских солдат. Впоследствии галльские панегиристы, очевидно, смущенные крамолой своей родины против Рима, объясняли ее длительными и страшными несправедливостями тогдашних тиранов. По всей видимости, Геракл фигурирует на монетах Постума в своей старой, созданной при Антонинах, роли тираноубийцы и «добротого царя»; Постум, видимо, ставил себе целью в случае удачи стать идеальным римским императором и поэтому не забывал отвести место и римскому Гераклу — *Herculi Romano*. Геракл — его личный спутник и хранитель, *comes* и *conservator*, но нигде Постум не отождествляет себя с ним: западная аристократия могла признать за императором право на отличного от его подданных гения-хранителя, но обожествление живого императора претило ей.

Геракл Постума не только тираноубийца, но и труженик: он представлен очищающим авгиевы конюшни, что, по мысли киников, он сделал для прославления простого труда. Он умиротворитель земли — *pacifer*, покровитель древнего благочестия, вместе с императором приносит он жертву на алтаре. Все это делает его бессмертным, впервые на монетах Постума Геракл назван *immortalis* и изображен влекущим за собой побежденного Кербера. Возможно, что начинавшееся уже тогда движение багаудов вызвало к жизни и функцию Геракла как борца против «людей земли». На монете с *Herculi Libero* он изображен душащим Антея, бывшего, как и гиганты, сыном Земли, возможно, также и участником ее борьбы с богами¹.

Создавая такой программный образ Геракла, Постум не забыл и народных представлений, связанных с ним в западных провинциях. Как гений-покровитель отдельных мест он выступает на монетах с эпитетами *Magusanus* и *Deusoniensis*.

Галльская империя окончила свое самостоятельное существование в 273 г., но Геракл продолжал оставаться героем западной знати. Аврелиан в одной галльской надписи назван ни *deus*, ни *dominus*, а *consors Herculi* — сотоварищ Геракла. Император Проб, развивавший активную деятельность по всей империи, считался среди высших классов Запада, судя по его биографии (в SHA), чуть ли не обетованным императором-спасителем, который не успел установить золотой век только потому, что его убили нечестивые и наглые солдаты. Знать любила его за подавление восстаний, успешные войны и привод многочисленных пленных варваров на опустевшие земли Галлии и других провинций. И этот император, продолжая солярную традицию Аврелиана, уделяет на своих монетах значительное место Гераклу, заимствуя в этом смысле многое у Постума. Так же как и у последнего, Геракл у Проба — победитель чудовищного эрумантинского вепря (*С о h e n*, *Prob.*, 17), заслуживший бессмертие герой (там же, 18), умиротворитель земного шара (там же, 278—295); спутник императора (там же, 170) и его доблесть — *virtus* (там же, 58, 286).

Все эти представления, связанные с Гераклом, нашли свое отражение и завершение при Диоклетиане и Максимиане. Последний был привлечен Диоклетианом к власти для борьбы с восстаниями и варварскими вторжениями в Галлии и Африке (*A u r.*, *V i s t.*, *De Caesaribus*) и, отправляясь

¹ А. В. Мишулин, Миф об Антее, ВДИ, 1938, № 1, стр. 99 сл.

на подавление их, принял имя западного героя Геракла, так же как Диоклетиан связал себя с особо популярным на Дунае Юпитером. Я уже отмечала, что панегирист Мамертин связывает подвиги Геракла с победой Максимиана над багаудами; Гераклу-победителю уделено значительное место и на монетах этого императора: убивающий гидру *Hercules debellator* и *Invictus* (C o h e n, *Diocl.*, 24, 47), Геракл, ставящий ногу на поверженного оленя или душащий льва, как *virtus aug(ustorum)* (там же, 90, 360), Геракл и Максимиан, венчаемые победой (там же, 105).

Но Диоклетиан и Максимиан хотели изображать себя не только победителями, но и устроителями счастья людей. Панегиристы говорят, что при их благодетельном правлении прежнее изобилие похорон сменилось изобилием урожаев, прежде невиданным, всюду мир и благоденствие, варвары, смирившись, пахут римские поля, которые прежде опустошали, снова расцвели науки и искусства, и музы под защитой могучего Геракла свободно воспевают его подвиги (*Paneg. latini*, II, 11; III, 15; IV, 7—8). В надписях того времени особенно прославляется *saeculum beatisimum*, и на монетах большое место занимает Геракл, несущий мир (*C o h e n, Diocl.*, 202; Макс., 269—277), приносящий людям символ изобилия — яблоки Гесперид (там же, 290) и дающий бессмертие следующим его примеру (там же, Макс., 46). Диоклетиан и Максимиан уже и в начале своего правления, задолго до гонения на христиан, были ревностными восстановителями исконного благочестия. За это хвалит их Аврелий Виктор, об их редкостной *pietas* пространно говорит Мамертин. Неоднократно отмечалось в литературе общее консервативно-римское направление политики Диоклетиана — например в повсеместном введении латинского языка как официального и в духе его законодательства. Как и Август он издал эдикт о браке, имевший целью восстановить его старые римские формы, т. е. опять-таки укрепить фамилию как основную ячейку рабовладельческого общества. Бывшая одним из его лозунгов *pietas* понималась им как основа и связующее начало фамилии, он говорит о *pietas* главы семьи в отношении тех, кого он имеет под своей властью, кто является участником его фамильного культа; и здесь опять-таки, как при Коммод, Геракл оказывается хранителем этих устоев, соединяется с гением Рима, которому уделено исключительное место на монетах обоих императоров (*C o h e n, Diocl.*, 185—195; Максимиан, 207—257); и так же как и Коммод, Максимиан, судя по речи Мамертина, претендует быть новым основателем Рима, счастливого и могущественного, подобно его предку Гераклу, который некогда посетил Эвандра на Палатине и тем обеспечил маленькому холму будущее первенство над миром (*Paneg. lat.*, III, 1, 4).

Со времени Диоклетиана культ гениев места, близких в провинциях к Гераклу, и местных божеств был в полном расцвете. Возможно, что он поощрялся правительством также и по тем же соображениям, как фамильные культы Рима и Италии. Очевидно, поощрялись и возникавшие в войсках объединения земляков из разных частей для почитания местного божества; напротив, в эдикте Галерия о христианах им между прочим ставится в вину, что они соединяют в своих общинах людей разных племен и из разных мест. Так что и в этом плане выдвижение культа Геракла должно было сыграть консервирующее старые устои значение. Но, конечно, длительного успеха эта политика иметь не могла, так как реставрация старых форм Римского государства была невозможна.

Таким образом, мы видим, как в связи с экономическими и общественными изменениями в империи эволюционируют представления, связанные с одним из наиболее популярных богов античности. Почитаемый в народе как бог-хранитель фамилии, он использовался для удержания в рамках ее идеологии зависимых от главы семьи лиц и с проникновением в домаш-

ние культа культа гения императора сближается с ним и делается особым хранителем его, возвышая императора над простыми смертными. Когда ухудшение общего положения усилило поиски личного бессмертия, Геракл, вместе с близким ему гением, стал залогом загробного блаженства, которое давалось не за знания и посвящения, доступные избранным, а за честную трудовую жизнь, которой мог следовать всякий бедняк. Рост возмущения и протеста против богатых и сильных придал ему черты борца с заносчивыми угнетателями, несущего справедливость и золотой век. Этот любимый народом образ стал использоваться правительством с демагогической целью — сохранить старинные римские рабовладельческие устои общества, предохранить себя от проникновения в народ восточного мистицизма, заставить его трудиться и повиноваться. Наряду с Гераклом низших классов появляется и развивается Геракл аристократии, главным образом западной. Это идеальный с ее точки зрения правитель-принцес, борец равно и с тиранами и с восставшими «нечестивыми» «злыми» «людьми земли». И эти черты находят свое отражение в его официальном культе, пропагандировавшемся правителями, которым приходилось лавировать между опасной конкуренцией знати и губительным возмущением зависимого населения.

